

**Посвящается Виктории и Джозефу.
Благодаря вам эта книга состоялась**

ОДИН

Звук бьющегося стекла не разбудил Филиппа Лонгмана. Для этого ему нужно было бы спать, а его дряхлое тело больше не требовало сна.

С укрепленной секции потолка свисали металлические поручни. Лонгман ухватился за них так крепко, как только могли его слабые руки. Превозмогая себя, он подтянул тело вверх. Автоматический матрас последовал за ним, призванный поддержать, если силы его покинут. Лонгман был гордым человеком. Слишком гордым для того, чтобы его поднимало механическое ложе. Слишком гордым для сигнализации. Но гордость не могла удержать его в вертикальном положении. Матрас был единственной уступкой Лонгмана своему чахнущему телу.

Комнату заполнили звуки прилагаемых им усилий. Тяжелое дыхание. Пыхтение. Стоны. В молодости Лонгман вел активный образ жизни. Даже в шестьдесят он выгодно отличался от сверстников физически. Но его шестьдесят давно остались в прошлом. Теперь он едва мог слезть с кровати.

Наконец-то подоспевший матрас прижался к спине Лонгмана, принимая на себя большую часть веса. Лонгман отпустил поручни, и в комнату вернулась тишина.

Лонгман прислушался.

Этот звук невозможно было перепутать ни с чем. То, как бьется стекло, различил бы и его слабый слух. Но определить источник шума было уже труднее. Упала пепельница? Винный бокал? Или разбилось окно, чтобы некто мог войти без приглашения? Не то чтобы какой-то из этих вариантов был лучше или хуже остальных. В пустом доме, где обитал только восьмидесятипятилетний вдовец, каждый из них сулил неприятности.

Лонгман напряг слух. Поначалу до него не доносилось ни звука. По крайней мере, он не мог различить ни звука.

Дом был большой. А с тех пор как умерла жена, а дети переехали, стал казаться слишком большим. Но Лонгман не мог заставить себя перебраться на новое место. Покинуть семейную обитель, где прожил пятьдесят лет. Он знал этот дом вдоль и поперек.

Именно из-за этого знания следующий звук наполнил его тревогой. Скрип первой ступеньки главной лестницы.

Характерный звук для дома, возведенного десятки лет назад. Днем, когда приходила домработница, этот скрип казался самым естественным на свете. Но сейчас, когда часы у кровати показывали три часа ночи? В такое время он внушал ужас.

За скрипом последовали шаги, но их заглушил шорох отброшенного одеяла, из-под которого Лонгман высвободил свои хилые ноги. Двигаясь всем телом из-за боли, причиняемой артритом, он спустил ноги с края кровати на пол. Муки были невыносимы: последний раз он перемещался так быстро лет пять назад, когда его тазобедренные суставы еще работали. Но он постарался не обращать внимания на агонию и кое-как встал на ноги, держась для опоры за столбик кровати.

Дыхание сбилось, сердце с шумом качало кровь. Но Лонгман заставил себя доковылять до гардеробной в дальнем углу комнаты. Впервые за многие годы он преодолел это расстояние без помощи трости или ходунков. Добравшись до двери, он споткнулся от изнеможения. Только адреналин не позволил ему упасть.

Восстановив равновесие, Лонгман схватил ручку гардеробной и мгновение помедлил, затаив дыхание, чтобы лучше слышать. В ушах пульсировало, натруженное сердце, казалось, не выдержит. И все-таки было достаточно тихо, чтобы он мог услышать шаги.

Лонгман переместил вес с ручки на дверной косяк, давая двери распахнуться. Едва та открылась, он проник внутрь. Нашупал в темноте выключатель и нажал его ровно в тот момент, когда шаги затихли у двери спальни.

В первую секунду свет ослепил его, но глаза Лонгмана быстро приспособились. Открывшаяся им картина, однако, не стоила приложенных усилий. Надежда, что поддерживала его всю дорогу до гардеробной, угасла с первым же вздохом.

«Что я рассчитывал найти? — подумал Лонгман. — И вообще, какое, к черту, оружие мне сейчас помогло бы?»

Лонгман не слышал, как открылась дверь, но присущее любому человеку шестое чувство — чувство, сообщающее нам, что мы не одни, — с возрастом не ослабло. В спальне кто-то был. Лонгман знал это еще до того, как повернулся посмотреть, кто это.

— Вы? — В его восклицании прозвучало скорее обвинение, чем потрясение.

Дело было в глазах. Самых бездушных, какие доводилось видеть Лонгману. Он узнал бы их где угодно.

— Вы помните меня.

Ответ был констатацией факта и казался таким же зловещим, как и весь облик говорящего. Прирожденного хищника.

— Некоторые вещи не забываются. — Все в этом человеке было таким, как помнил Лонгман. — Как и некоторые люди.

Губы хищника растянулись в улыбке, но светлые глаза остались холодными. Это была триумфальная, но не счастливая улыбка.

— Верно.

Человек приблизился. Его движения были медленными. Точными. Как у гадюки, готовящейся к броску.

— Хорошо, что у вас сохранился рассудок, — сказал он. — Не смотря на возраст.

— Какое это имеет значение? — с вызовом ответил старик. Эти безжалостные светлые глаза сообщили ему, что его ждет. Но он не собирался встречать судьбу стоя на коленях.

— О-о, имеет.

Впервые за время разговора в голосе послышалась жизнь. Реакция на жар Лонгмана. Но это не добавило голосу тепла.

Между ними было теперь всего несколько сантиметров, и запястье Лонгмана стиснула железная рука.

— Потому что это значит, что вы прочувствуете каждую секунду того, что вам предстоит.

ДВА

Майкл Девлин отер запотевшее зеркало ванной. На него смотрело его отражение. Голое по пояс, с испещренным шрамами торсом. Это были следы ранений, которые редко встречаются у людей его якобы цивилизованной профессии. Постоянное напоминание о более богатой на события жизни, чем он мог раньше себе вообразить.

Майкл подставил руки под струю горячей воды и выплеснул набравшуюся лужицу на уже мокрое лицо. Шрам под левой бровью жарко зашипало. Ощущение было знакомым. Еще одна старая рана.

Несколько минут спустя он был гладко выбрит. Процедура завершилась погружением головы в раковину с холодной водой. Это был важный утренний ритуал, призванный моментально привести его в состояние бодрости и готовности к предстоящему дню.

Избавившись от тумана в голове, он вытерся и закончил приготовления, надев сшитый на заказ полосатый костюм-тройку, подчёркивавший его высокую треугольную фигуру.

Майкл не был щеголем, но понимал, насколько важен внешний вид. Первое впечатление имело большое значение.

Наконец он направился вниз.

Хозяйская спальня и ванная в его доме в Челси располагались на втором этаже. Оттуда лестница вела наверх, к трем другим спальням и кабинету Майкла, и вниз, к еще одной большой спальне. У подножия лестницы находились холл, стандартная парадная гостиная, которой почти не пользовались, а также огромная кухня, ставшая причиной тому, что гостиная пустовала.

Сейчас на кухне царил суматоха. Едва переступив порог, Майкл попал в облако дыма, поднимавшегося во все стороны от большой плиты в дальнем конце комнаты.

Улыбнувшись и покачав головой, Майкл выскочил из кухни, рас-

стегнул пуговицы, снял пиджак и повесил его в прихожей, где ему не угрожали кухонные пары.

— Я знаю, что ты там, Майкл Девлин! — Сквозь доносящиеся из кухонного радио британские голоса он услышал американский акцент Сары Труман. — Тащи сюда свою задницу, завтрак ждет!

Майкл снова шагнул через порог и расплылся в еще более широкой улыбке, наблюдая царящий на кухне хаос. Дым валил от сковородки с толстым дном, в которой содержалось нечто, что когда-то, вероятно, было беконом. Менее драматическое впечатление производила яичница, уже разложенная по тарелкам. А что это там шипит в кастрюле с тушеной фасолью?

«Лучше не спрашивать», — решил Майкл.

— Как всегда, просто и без напряжения, правда, милая? — спросил он, подходя к Саре со спины и обвивая ее рукой за талию.

— У меня нет сегодня времени на твои дурацкие игры, Майкл, — не оборачиваясь, бросила Сара. Она никак не отреагировала на поцелуй, оставленный им на ее шее. Вместо этого потянулась за тарелкой, чтобы добавить к яичнице остальные составляющие завтрака.

— Теперь садись за стол.

— Как же мне это сделать? — Произнося эти слова, Майкл одной рукой забрал у Сары тарелку. Поднял высоко над головой, чтобы она не могла дотянуться. Другой рукой, уже обвивающей ее за талию, притянул ее к себе. — Когда прямо передо мной стоит самая прекрасная женщина в Лондоне?

— Я сейчас сковородку уроню! — засмеялась Сара, когда Майкл притянул ее еще ближе, прижимая спиной к груди. Он зарылся свежесбранным лицом в ее волосы, снова целуя в шею. На этот раз поцелуй принес желаемый отклик: Сара повернула голову и встретилась с ним губами.

— Ну что, доволен? — спросила она, отстраняясь настолько, насколько смогла.

— Так доволен, как только может быть довольным человек в горящем доме, — ответил Майкл, со смехом отпуская ее.

— Да пошел ты, Девлин! — Ее притворный гнев вышел очень достоверно, но Майкл не купился. — Все не так плохо.

— Не так плохо? — Смеясь, Майкл потянулся ей через плечо и включил вытяжку на полную мощность. — Я чуть не побежал искать огнетушитель.

— Ты хочешь завтракать или нет?

«Честно?» — подумал Майкл. Но взглянул в изумрудные глаза Сары и прикусил язык.

— Да-да, конечно, — вместо этого ответил он. — Прости.

— Не за что извиняться. — Казалось, Сару огорчила собственная вспышка. — Просто я не сильна в готовке, вот и бешусь.

— Понимаю, — ответил Майкл, ставя на стол два стакана свежевыжатого апельсинового сока, прежде чем сесть. — Но не бывает так, чтобы у тебя все получалось. Иногда нужно признать лимит своих способностей.

— И это говорит человек, обожающий соперничать, — засмеялась Сара, разложила еду по тарелкам, поставила их на стол и села.

Майкл наблюдал за ней, дивясь тому, как изменилась его жизнь. Тому, что он нашел свою идеальную женщину. И что она нашла его.

Они познакомились менее двух лет назад при экстраординарных обстоятельствах. Между ними возникла связь, со временем становившаяся все прочнее. То, что могло бы запомниться как простое увлечение, превратилось в нечто гораздо большее. И теперь, в тридцать девять, у него есть двадцативосьмилетняя невеста, в которой он души не чает.

Это было больше, чем то, на что Майкл когда-либо мог надеяться.

— Какие планы на сегодня? — спросила Сара. Задавая вопрос, она капнула в тарелку немного табаско.

— Тюрьма Уандсворт, — ответил Майкл, взял тот же соус и одобрил им свой зажаренный бекон. — Первая встреча с Саймоном Кэшем.

— Мальчишкой, которого обвиняют в убийстве?

— Ага. — Майкл одним глотком осушил полстакана апельсинового сока. — А у тебя? Во сколько тебе на работу?

— После десяти, вернусь рано вечером. Приготовишь ужин?

— Хорошо. С тюрьмой разберусь к обеду, потом загляну в контору, но должен вернуться не поздно. Только нужно спросить у Энн. Кажется, она говорила, что хочет сегодня готовить.

Какое-то время они помолчали, доедая завтрак: Майкл тайком избавлялся от подгоревших кусочков яичницы, Сара делала вид, будто не замечает.

— Перед уходом проверишь, встала ли Энн? — спросил Майкл, указывая глазами на потолок, когда тарелки опустели.

— Поднимусь к ней, как только ты уйдешь, — ответила Сара.

— Спасибо. И прости, что я на тебя это взваливаю. Я...

— Мы семья, — перебила Сара. — Никаких проблем.

Майкл протянул руку и нежно сжал ее ладонь. Сара говорила искренне. Он это знал. Поэтому еще больше ценил ее ответ.

— Все равно спасибо.

Момент растянулся на несколько секунд и закончился только тогда, когда Майкл взглянул на часы у себя на запястье. То, что они ему сообщили, заставило его подняться и поцеловать Сару в лоб.

— Пора идти, — сказал он, задвигая стул. — Нельзя же опоздать на встречу с юным мистером Кэшем, правда?

ТРИ

Кэти Грей считала, что ей много с чем повезло. Например, с мужем, с которым она прожила тридцать лет. Брак вышел долгим, спокойным и счастливым. Они никогда не были богаты, но и не бедствовали. Вместе они хорошо потрудились, чтобы семья не просто сводила концы с концами.

Потом дети. Четверо, и все очень разные. Старший, Джон, как и отец, работал плотником. Крепкий порядочный мужчина, у которого и самого была растущая семья. Затем шел Эрик, еще один рабочий. Холостой. Без детей. Но счастливый и с процветающим предприятием. Третьей была Кейти. Она рано вышла замуж и посвятила себя пятерым детям. И, наконец, Крис. Последний по счету, но от этого не менее примечательный — малыш, который вырос, чтобы стать хирургом. Радость и гордость матери.

Конечно же, была еще работа. Вторая жизнь Кэти. В услужении у Лонгманов она провела почти четыре десятка лет. С гордостью наблюдала, как Филипп Лонгман взлетел по карьерной лестнице, и сама купалась в отраженных лучах его славы, когда его имя появлялось в прессе. Он был важным человеком — великим, однако всегда следил, чтобы его домработница чувствовала, что в ней нуждаются.

Кэти питала такую же нежную привязанность и к остальным членам семейства. К жене Филиппа, Кэрол. Чудесной женщине, доброй и щедрой. Она умерла в восьмидесятилетнем возрасте, и все равно казалось, что ее забрали слишком рано. К их детям: Мэттью, Расселу и Питеру. Все они уже почти выросли, когда Кэти поступила на службу, но все равно относились к ней с такими добротой и уважением, что она пеклась о них почти как о своих.

С превеликой печалью она наблюдала, как мальчики отстраняются от отца с годами, последовавшими за смертью матери. Порой она подумывала о том, чтобы поговорить с ними на эту тему.

Высказать свое мнение. Но не стала. Какими бы родными они для нее ни были, Кэти не была членом семьи.

Еще печальнее была деградация Лонгмана, произошедшая с ним за последние пять лет. Кэти видела, как от скорби по жене сила духа, когда-то наполнявшая его, улетучилась. Больно было смотреть на это, но ни разу, несмотря на собственный преклонный возраст, Кэти не пришлось в голову бросить работу. Договор, заключенный с семейством Лонгманов, был для нее так же священен, как и клятва, данная перед Господом в день свадьбы. Она не уйдет до самого конца.

Ее утренние ритуалы почти не изменились за прошедшие годы. В доме, где остался всего лишь один обитатель, стало тише, но это не играло никакой роли. Как почти каждый день более чем за три десятилетия, Кэти закрыла за собой тяжелую дверь, прошла на кухню, налила воды в чайник и поставила его на газовую конфорку. Упорное нежелание Филиппа перейти к более современной электрической плите было забавным, но в глубине души Кэти тоже предпочитала все делать по-старинке.

Она повернула ручку, чтобы зажечь огонь.

Ничего не произошло.

Кэти попробовала снова. И еще раз. Все так же безрезультатно.

Она протянула руку, проверяя, не идет ли газ, и тут же поняла, в чем проблема: ее растопыренные пальцы обдало ветерком. До сего момента Кэти этого не замечала. Когда она шла на работу, на улице было холодно, и она еще не успела достаточно согреться, чтобы сразу же почувствовать, что в комнате сквозняк.

Повернувшись, Кэти последовала за течением холодного воздуха к его источнику. Оно привело ее к открытой двери в кладовую. Двери, которая должна была быть закрыта. Чувствуя, как сердце застучало немного быстрее, Кэти заглянула в комнатку. На полу лежало разбитое стекло, а в окне была дырка. Не больше, чем от крикетного мяча, она вполне могла оказаться следствием несчастного случая. Если бы только само окно не было открыто.

С колотящимся сердцем Кэти развернулась на каблуках. Она знала, что Филипп не открывал окно. Вот уже несколько лет он не может самостоятельно добраться до кладовой.

В дом кто-то проник.

«Но кто? И зачем?»